

Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.

Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9-47. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47. (In Russ.).

УДК 81'37+811.161.1'374.221

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ МНОЖЕСТВ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ, КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОМ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: ДИНАМИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ¹

© Бабенко Людмила Григорьевна (2020), orcid.org/0000-0002-9250-3232, доктор филологических наук, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), lgbabenko@yandex.ru.

Освещается динамика осмысления лексических множеств в теоретическом и практическом аспектах за последние 50 лет с выделением основных этапов их выявления, изучения и особенностей интерпретации в свете различных научных подходов: структурно-семантического, функционально-лингвистического, когнитивно-дискурсивного, лексикографического, обуславливающих систему принципов их выявления, формирования состава и описания структурной организации. Приводятся результаты многоаспектного исследования лексических множеств разных типов как целостной динамической системы, получившей множественную интерпретацию и в теоретических изысканиях, и в идеографических словарях. Рассмотрены следующие типы множеств: лексико-семантические, функционально-лексические, денотативно-идеографические, семантико-синтаксические, комплексные лексико-фразеологические, синонимико-антонимические, концептуально-дискурсивные. Исследование проводится на материале идеографических словарей, созданных учеными-лексикографами Уральской семантической школы. В качестве иллюстративного материала привлекаются примеры описания языковых и речевых множеств с эмотивной семантикой, представленных в серии этих словарей. Исследование показало, что за полувековой период теория лексических множеств значительно продвинулась благодаря ситуации полипарадигмальности в лингвистике. Отмечается, что в таких обстоятельствах сформировались разные подходы к изучению множеств единиц языка и речи, получило обоснование выделение принципиально новых семантических объединений, разработана их типология, охарактеризованы истоки, факторы и принципы их формирования.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50052, а также Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013—2020 годы (номер соглашения 02.A03.21.0006).

Ключевые слова: русский язык; теоретическая семантика; лексические множества; идеографическая лексикография; эмотивная лексика и фразеология.

1. Введение

Предмет рассмотрения статьи — динамика изучения лексических множеств в теоретическом и практическом аспектах за последние 50 лет с выделением основных этапов их изучения и особенностей интерпретации. Выявление и описание семантических классов слов как метод описания лексики и формы представления ее системной организации были намечены в XIX веке в трудах русского филолога М. М. Покровского [Покровский, 1895], само понятие семантического поля было введено в работах немецких лингвистов Й. Трира и Г. Ипсена в начале XX века, фундаментальное теоретическое развитие оно получило в середине XX века в трудах выдающихся русских лингвистов [Апресян, 1962; Васильев, 1971; Кузнецова, 1975; Караулов, 1976; Морковкин, 1970; Уфимцева, 1961; Шайкевич, 1963; Шмелев, 1973, Щур, 2007 и др.]. В последующие десятилетия эта проблема разрабатывалась в контексте различных научных парадигм, вследствие чего объект описания расширялся: им стали объединения языковых и речевых единиц, различные по природе, структуре, объему составляющих их элементов и по аспектам рассмотрения, которые в основном однотипно обозначались как *семантические лексические объединения*, не имеющие собственных наименований, отображающих их особенности, актуализирующих их специфику и в то же время различия между собой. Учитывая их разнообразие и разнотипность, в данной статье мы будем использовать для их обобщенной номинации термин *лексическое множество*, который является одним из основных базовых математических понятий, широко используемых в качестве имени для обозначения совокупности объектов, обладающих общим свойством или свойствами. В дальнейшем он стал активно использоваться в различных научных парадигмах, в том числе в 1950—1960-е годы, в период расцвета структурализма, и в лингвистике, где он осмыслялся достаточно широко как класс (группа) языковых или речевых единиц (явлений), обладающих некоторым общим свойством, представляющих собой множество, которое, соответственно, включает совокупность элементов, определенным образом организованных в структуру. В языке имеются разные типы множеств: формальные, формально-семантические, семантические; нас интересуют лексико-семантические множества разного типа, соотносённые с одной понятийной областью, объединённые прежде всего на основе сходства семантики и общего инвариантного значения, состоящие из элементов, имеющих общие свойства и структурно ор-

ганизованных. Для нас важно выявить критерии их разграничения, так как внутри подобных множеств наблюдаются различия их макроструктурной организации, объема составляющих их единиц, уровней их соотносительности и расположения в структуре, что обуславливает многообразие подобных множеств и необходимость их терминологического обозначения.

Логика изучения лексических множеств, сложившаяся в лингвистике начиная с последней трети XX века, опиралась на принцип дополнительности, определивший ее двунаправленность: 1) от теории множеств — к их описанию в словаре и 2) от словарей, содержащих различные множества, — к осмыслению их сущности и природы. Системное изучение лексических множеств основывается на синтезе динамически развивающихся теоретических представлений относительно их природы и одновременно на их воплощении в лексикографических параметрах, а семантические словари, созданные в последней трети XX века и в первые десятилетия XXI века, являются самостоятельными уникальными изданиями, в то же время иллюстрирующими изменения научных воззрений в словарном представлении лексических множеств, отображают динамику научного представления о них. Это проявляется в сходстве и различиях квалификации и интерпретации множеств языковых единиц в различных идеографических словарях, обусловленных сменой научных парадигм их описания: от структурно-семантической до когнитивно-дискурсивной. При этом сохраняется актуальность многоаспектного теоретического изучения лексико-семантических множеств разного ранга как динамической системы и анализа воплощения этих представлений в лексикографических параметрах, осуществленного в структуре различных идеографических словарей.

Отсутствие сегодня общей теории лексических множеств, их типологии, основанной на концепциях новых научных парадигм и отражающей динамику их интерпретации, и в то же время имеющийся солидный опыт лексикографического описания подобных множеств, накопленный в последние 50 лет, обуславливают логику их изучения, основанную на извлечении данных о типологии лексических множеств из их описания в идеографических словарях. Подобный подход к решению актуальной, теоретически и практически значимой проблемы представляется своевременным и оправданным. Назрела необходимость рассмотрения всей совокупности лексических множеств разных типов как целостной динамической системы с опорой на их множественную интерпретацию в семантических словарях, что является одной из главных целей данной статьи. Появилась возможность их сопоставительного изучения с учетом многообразия словарей, в которых объектом описания стали множества, отличающиеся не-

однородностью семантико-грамматической природы единиц описания (объективный фактор), обусловленной сменой научных подходов к их интерпретации на разных этапах создания (субъективно-объективный фактор). При создании идеографических словарей особенно ярко проявляется человеческий фактор, связанный с различными вариантами субъективного участия лексикографов в сотворении словарей, о чем мы ранее специально писали [Бабенко, 2009, с. 44—47].

В настоящее время существует целый ряд семантических словарей, созданных как отдельными учеными [Караулов, 1980; Шушков, 2003 и др.], так и научными коллективами [Лексическая основа русского языка, 1984; Русский семантический словарь, 1984; Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений, 1998], реализующих разные концепции лексических множеств и их презентаций в словарном виде, которые затруднительно осветить в формате одной статьи. Вследствие этого материалом рассмотрения в данной статье избраны идеографические словари, созданные учеными-лексикографами Уральской семантической школы (здесь и далее — УСШ), общее количество которых составляет более двух десятков. Они, с одной стороны, концептуально близки, родственны, основаны на общих фундаментальных представлениях о системной организации лексики и принципах ее отображения в идеографических словарях. С другой стороны, они охватывают множества языковых и речевых единиц самой разной семантико-грамматической природы: русские глаголы [БТСРГ], русские глагольные предложения [РГПЭСС], русские существительные [БТСРС], прилагательные [СТРП], синонимы [БТСРР], синонимы и антонимы [БТИССАК], лексику, фразеологизмы и пословицы [КРЯКК]. Концепции этих словарей разрабатывались и реализовывались в течение последних 30 лет в научном контексте смены парадигм и полипарадигмальности в целом, они впитали в себя все те новации, которые появились и сложились в науке в этот период. Обзор этих словарей с целью ответа на вопрос о типологии лексических множеств, сложившихся в лингвистике к настоящему времени, позволяет выявить ключевые этапы их формирования, отобразившиеся в динамике их интерпретации.

2. Результаты исследования

Обратимся к изложению результатов анализа и интерпретации лексических множеств разного типа, воплощенных в контексте словарей УСШ с учетом динамики их создания. Нами выделены следующие основные аспекты и этапы их выявления, описания и изучения, повлекшие развитие

представлений об их составе и структуре и обусловившие как общие стратегии, так и специфические особенности их интерпретации.

2.1. Интерпретация лексических множеств в структурно-семантическом аспекте: структурно-семантические поля, группы и подгруппы

Начало второй половины (1960—1970-е годы) XX века — период развития структурно-семантического метода в лингвистике и, как его результат, начальный этап развития теории лексико-семантических множеств разного ранга и объема, которая уже в тот период сопровождалась параллельной разработкой лексикографических параметров их воплощения в семантических словарях. Концепции подобных словарей основывались на результатах исследования системной организации лексики и структурной организации лексического значения слова, на методологии компонентного анализа и его разновидностей — дефиниционного анализа, метода идентификации и др. (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, В. Г. Гак, Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. В. Морковкин, М. В. Никитин, Н. И. Толстой, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.). Выделение разновидностей лексических множеств основывалось на типологии сем, их внутрисловном статусе и функционально-семантической специализации. Так, на основе суперклассификатора — наиболее общего интегрального семантического признака — формировалось *лексико-семантическое поле* (далее — ЛСП) — межчастеречное семантическое множество слов, объединенных общностью содержания, идентификатором которого являлось обобщенное понятие, например, ВРЕМЯ, СОСТОЯНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, ЭМОЦИИ и под.

В структуре ЛСП уже на основе категориально-лексических сем образуются *лексико-семантические группы* (далее — ЛСГ) — слова одной части речи, взятые преимущественно в основных значениях, конкретизирующие основное идентифицирующее понятие ЛСП и интерпретирующие его регулярно в определенных аспектах, имеющие максимум общих семантических признаков, которые объединяются на основе категориально-лексической семы (КЛС), но в то же время имеют различия, передаваемые дифференциальными семами, регулярно повторяемыми в составе этих групп. Например, в составе лексики эмоций с учетом оценочного параметра есть ЛСГ положительных эмоций (*любовь, верность, дружба* и др.) и отрицательных эмоций (*ненависть, неверность, вражда*), есть ЛСГ эмоционального состояния (*тоска, одиночество, вдохновение*), эмоционального отношения (*презрение, равнодушие, восхищение*), внешнего выражения эмоций (*поцелуй, объятия, аплодисменты*) и др. В составе ЛСГ с учетом регулярно повторяемых дифференциальных сем определенного аспекта формируются *лексико-семантические подгруппы*.

Именно в период структурно-семантического изучения системной организации лексики крупные лексикологи: Л. В. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова; В. В. Морковкин, Н. Ю. Шведова и созданные ими научные группы и коллективы стали заниматься разработкой лексикографических параметров отображения системности лексики в семантических словарях [Васильев, 1981; Караулов, 1981, 1983; Кузнецова, 1987; Морковкин, 1984; Семантический словарь, 1984; Семантический словарь, Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений; 1998. Шведова, 1983]. Коллектив проблемной группы «Русский глагол» в этот период под руководством Э. В. Кузнецовой был занят систематизацией русской глагольной лексики, итогом этой работы стал небольшой учебный словарь-справочник лексико-семантических групп русских глаголов. В нем впервые тысяча русских глаголов, взятых в своих основных значениях, была распределена по лексико-семантическим группам [ЛСГРГ, 1988]. Это был словарь списочного типа, его главная ценность состоит в систематизации русской глагольной лексики по ЛСГ, что впервые удалось осуществить благодаря методике ступенчатой идентификации, предложенной Э. В. Кузнецовой [Кузнецова, 1973, с. 84—94]. Десятилетие спустя коллектив УСШ, сформировавшийся на основе проблемной группы «Русский глагол», подготовил Толковый словарь русских глаголов [ТСРГ], его второе издание, доработанное, дополненное и с уточненным названием, было опубликовано позднее [БТСРГ]. В нем объектом парадигматического описания стали уже 10 тыс. лексико-семантических вариантов глагольных слов, они были распределены по семантическим группировкам с учетом их иерархической организации: по семантическим полям, подполям, группам и подгруппам. В нем впервые были разработаны основополагающие принципы и параметры именно толкового идеографического словаря, которые легли в основу организации его макро- и микроструктуры: принцип иерархичности, принцип дополнительности, принцип вариативности и принцип пересеканности глагольных классов слов, реализующиеся в макроструктуре словаря. Что касается микроструктуры — структуры словарной статьи одной ЛСГ слов, в нее были впервые введены новые лексикографические параметры, такие как идентификаторы группы, типовая семантика. Также впервые была разработана модель словарной дефиниции именно для идеографического толкового словаря. Эти параметры в дальнейшем стали обязательными для описания лексических множеств во всех других идеографических словарях, созданных позднее в УСШ.

Итак, категоризация глаголов осуществлялась прежде всего на структурно-семантическом основании, при этом использовался метод компонентного анализа глагольных значений, включающий в качестве основного при-

ема ступенчатую идентификацию семантики глаголов, их дефиниционный анализ. В плане категоризации глаголы — самый благодатный класс слов, неслучайно именно глаголы чаще всего в период становления системного изучения лексики становились предметом рассмотрения в исследованиях многих ученых, см.: [Апресян, 1962; Васильев, 1981; Гайсина, 1981; Кузнецова, 1987 и др.]. Лексическая семантика иерархически структурирована: суперклассификаторы ('состояние', 'отношение', 'деятельность' и др.) уточняются категориально-лексическими семами ('говoreние', 'мышление', 'движение' и др.), которые, в свою очередь, конкретизируются дифференциальными семами. Подобная структурированность семантики глаголов отражается и в иерархичности их системной организации, вершину которой занимают семантические поля (ДЕЙСТВИЕ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; БЫТИЕ, СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ КАЧЕСТВА; ОТНОШЕНИЕ), а внутри них выделяются семантические классы, группы и подгруппы. Эта особенность лексической семантики глаголов позволила при их семантической классификации в качестве основного использовать метод идентификации слов.

Приведем примеры рассмотрения в этом словаре эмотивных глаголов. В нем эмотивная лексика во всей своей совокупности не рассматривается в составе одного лексико-семантического поля, так как эмотивные глаголы с учетом суперклассификаторов относятся к разным семантическим полям, что мы и обнаруживаем в Большом толковом словаре русских глаголов [БТСРГ, 2008]. Они входят в семантические поля СОСТОЯНИЕ и ОТНОШЕНИЕ, а с учетом категориально-лексической семы включаются в шесть разных ЛСГ:

2.2.1.4. Становления внутренних качеств человека: *веселеть / повеселеть; наглеть / обнаглеть*; 2.2.4.1. Пребывания субъекта в эмоциональном состоянии: *блаженствовать, благодушествовать, наслаждаться*; 2.2.4.2. Становления эмоционального состояния: *вдохновляться / вдохновиться, воодушевляться, воспламеняться, загораться, зажигаться, окрыляться*; 2.2.4.3. Приведения в эмоциональное состояние: *воодушевить / воодушевить, вдохновлять / вдохновить*; 3.3.1. Эмоционально-оценочного отношения: *боготворить / обоготворить, благоговеть, обождать, обожествлять, поклоняться*; 3.3.2. Внешнего проявления отношения: *аплодировать / зааплодировать* [БТСРГ].

Выделенные в БТСРГ группировки слов, отображающих эмоции, выявлены на основе категориально-лексической семантики, имеющей достаточно обобщенное значение, связанное с интерпретацией эмоций как состояния, становления качества, отношения, внешнего выражения эмоций, поэтому они входят в состав разных семантических полей. При этом де-

нотативная семантика эмотивной лексики, связанная с отображением конкретных эмоций (например, эмоции любви: *любить*, *влюбить*, *влюбиться*, *разлюбить* и под.), не учитывается при подобной классификации, вследствие чего слова, обозначающие однотипные эмоции, попадают в различные суперпарадигмы и ЛСГ слов. Так, лексика любви оказывается включенной в ЛСГ глаголов пребывания субъекта в эмоциональном состоянии, становления эмоционального состояния, приведения в эмоциональное состояние, эмоционально-оценочного отношения и внешнего проявления отношения. Это обусловлено не только избранной лексикографами моделью презентации этой лексики в словаре, но и возможностями русского языка, в котором наблюдается множественная лексическая интерпретация эмоций в масках различных семантико-грамматических форм.

Аналогичная ситуация обнаруживается в Большом толковом словаре русских существительных [БТСРС, 2005], в котором при классификации эмотивной лексики частично сохраняется структурно-семантический принцип, реализованный в Большом толковом словаре русских глаголов [БТСРГ, 2007].

2.2. Интерпретация лексических множеств в денотативно-идеографическом аспекте: денотативно-идеографические сферы, классы, группы и подгруппы

Специфика лексической и грамматической семантики слов разных частей речи объясняет использование различных вариантов алгоритма идентификации в процессе их категоризации. Так, обратившись к созданию идеографического словаря существительных, над которым коллектив УСШ работал в течение десятилетия конца XX и начала XXI веков [БТСРС], мы выбрали дополнительно к структурно-семантической еще одну лексикографическую стратегию их категоризации и интерпретации в словаре, так как категоризация предметного мира, репрезентируемого существительными (а также и прилагательными), с применением только структурно-семантического анализа их значений оказалось недостаточной. Семантико-грамматический класс существительных вследствие неоднородности его лексической семантики всегда вызывал трудности при его классификации.

Среди существительных есть отвлеченная лексика, значение которой структурно организовано подобно глаголам, поэтому при ее систематизации сохраняется структурно-семантический принцип, реализованный в БТСРГ, и используется метод ступенчатой идентификации. Эмотивные существительные относятся именно к этому типу лексики, поэтому их категоризация осуществлена на основе идентификации их значений и ча-

стично повторяет состав и типологию лексико-семантических групп эмоциональных глаголов. Так, в денотативно-идеографическом классе ЭМОЦИИ имеется пять ДИГ существительных, обозначающих: 1) эмоциональное состояние; 2) эмоциональное качество, свойство; 3) эмоциональное отношение субъекта к окружающему миру; 4) выражение эмоций; 5) человека как носителя эмоций. Сопоставление набора этих групп в БТСРС с аналогичным набором в БТСРГ показывает, что в обоих словарях они входят в более крупные суперпарадигмы СОСТОЯНИЕ, ОТНОШЕНИЕ и ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ, вследствие чего наблюдается пересечение этих вхождений. В то же время семантико-грамматическая природа глагола и существительного обуславливает различия близких по смыслу групп. Например, эмоциональное состояние передается глаголами, в отличие от существительных, в динамике, что мотивирует наличие трех ЛСГ, актуализирующих варианты интерпретации эмоционального состояния: пребывания субъекта в эмоциональном состоянии; его становления; приведения в эмоциональное состояние (ср.: *вдохновение, наслаждение / наслаждаться, вдохновляться / вдохновиться, вдохновлять / вдохновить*). Поэтому соотносительность групп есть, но она не зеркальная, не аналогичная. Кроме того, в структуре денотативной сферы ЭМОЦИИ в словаре существительных появляется новая по сравнению с глаголами ДИГ «Человек как носитель эмоций», наличие которой указывает на субъекта эмоций, обычно охарактеризованного в аспекте эмоционального характера их переживания: *весельчак, наглец, добряк, мизантроп* и под. Эта ДИГ уже в большей степени денотативно обусловлена.

Это связано с тем, что, наряду с отвлеченными, большую часть существительных составляет конкретная лексика, которая не всегда допускает использование методики ступенчатой идентификации при ее категоризации, поэтому группы существительных с семантикой родства, транспортных средств и др. традиционно определяли как тематические, объединяемые на основе отнесенности их к одной тематической области, связи которой не отражены во внутрисловной структуре лексического значения. В этом случае при систематизации подобных существительных мы стали опираться на денотативный подход и использовать при этом фактор ситуации, так как в ее отображении большую роль играет не только глагол-предикат, но и существительные, формирующие его актантное и сирконстантное окружение, заполняющие позиции участников ситуации. Здесь уместно вспомнить мнение Э. В. Кузнецовой о двусторонней связи глагола и актантов: «Связь глагола с его типовым окружением во фразе представляет собой обоюдную зависимость: глагол определяет свое окружение и опре-

деляется им. Имея в виду определенный глагол, нетрудно представить круг его возможных “актантов”, имея определенное “окружение», нетрудно восстановить по нему круг возможных глаголов» [Кузнецова, 1985, с. 23]. Развивая это рассуждение Э. В. Кузнецовой, можно утверждать равнозначность глагола и имени в отображении одной ситуации с разных позиций: с позиций ее участников (имена) или с позиции предиката (глаголы).

Именно существительные специализированы для отображения субъектно-объектных, инструментальных и пр. отношений. В результате при категоризации существительных мы опирались на комплексный подход, основанный на синтезе структурно-семантического метода ступенчатой идентификации и денотативно-идеографической методологии.

Макроструктура словаря опирается на результаты категоризации существительных и отражает ее результаты. В ней имеются сферы, максимальные по охвату лексики одной тематической области и отображающие ключевые фрагменты действительности, составляющие основной каркас наивной по существу картины мира и его глобальную денотативную структуру, которые включали классы, группы и подгруппы и с учетом избранного принципа категоризации обозначались как денотативно-идеографические. При выделении классов существительных учитывались как структура их лексического значения, так и тип отображаемой ими общей ситуации или компонента ситуации — денотата существительного.

В словаре существительных лексические множества также организованы иерархически: вершину их классификации составляют денотативные сферы, состоящие из денотативно-идеографических классов слов (ДИК), включающих, в свою очередь, денотативно-идеографические группы (ДИГ), отображающие основные аспекты и компоненты типовых ситуаций, свойственных той или иной денотативной сфере. Количество уровней иерархии в различных сферах неодинаково: от двух (например, денотативная сфера НАЦИИ) до семи и больше (например, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, НАУКА). Вследствие этого состав лексических множеств существительных разного ранга в составе сфер различен по объему, он формируется на основании их категориально-лексической семантики. Например, сферу **ВОЕННАЯ СЛУЖБА** составляют 13 ДИГ, отображающих все аспекты ее организации: 1) человек; 2) огнестрельное оружие; 3) холодное оружие; 4) действие, производимое огнестрельным оружием; 5) боевые технические единицы; 6) боеприпасы; 7) приспособления; 8) военное мероприятие; 9) род войск; 10) военные подразделения; 11) воинское звание; 12) знак отличия; 13) военное сооружение. Денотативно-идеографические сферы при этом различаются набором ДИГ, их внутренней организацией

и функциональной семантической специализацией. Есть небольшие сферы, состоящие из двух — четырех групп (НАЦИИ, ПРОСТРАНСТВО, КОЛИЧЕСТВО, НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ и др.), но есть большие и при этом сложно в иерархическом отношении организованные сферы (НАУКА, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, ИСКУССТВО и др.). Порядок расположения и соотносительности ДИГ внутри сфер обусловлен спецификой представленности участников и аспектов денотативных ситуаций в составе различных групп.

Синописис этого словаря организован с учетом когнитивных функций существительных и их роли в формировании наивной картины мира: его структура ориентирована на универсальные антропологические представления о действительности, основанные на процессе освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего действительности. Всего в словаре представлена 41 денотативная сфера, точкой отсчета для них служит сфера «Живое существо», затем последовательно следуют те сферы, которые в нашем сознании тесно связаны с ней: «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации». Затем следуют денотативные сферы «Интеллект», «Эмоции», «Оценка», связанные с осознанием человеком себя как высокоразвитой личности. Далее идут общие денотативные сферы, соотносимые с осмыслением и познанием устройства внешнего окружающего мира: «Время», «Пространство», «Предмет», «Вещество», «Форма», «Количество», «Явление и событие», «Религия», «Сверхъестественное». Следующая группа отображает обыденные потребности человека: «Быт», «Питание», «Одежда». Далее следуют сферы, отражающие различные виды деятельности человека: «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Производство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера обслуживания», «Транспорт», «Наука», «Образование», «Спорт», «Искусство», «Средства массовой информации», «Экономика», «Социальные отношения», «Управление», «Политика», «Дипломатия», «Право».

Итак, лексические множества существительных с учетом их объема, ранга и места в иерархии получили следующие названия: *денотативно-идеографические сферы, классы, группы и подгруппы*.

Подобный денотативно-идеографический принцип организации лежит в основе классификации прежде всего русских существительных. В дальнейшем этот принцип был использован в идеографических словарях прилагательных, синонимов, антонимов, ключевых концептов, а также стал основным при идеографическом описании всего межчастеречного множества русской лексики.

2.3. Интерпретация лексических множеств в функциональном аспекте

70—90-е годы XX века можно отнести к периоду формирования функциональной лингвистики, в ее русле получила дальнейшее развитие концепция лексических множеств, которая стала разрабатываться в трех направлениях: функционально-лексическом, функционально-синтаксическом и когнитивно-дискурсивном. Все эти направления объединяет нацеленность на выявление комплексных парадигм, основанных на объединении языковых и речевых единиц разного типа.

Функционально-лексический аспект: функционально-семантические классы, группы и подгруппы лексики

Прежде всего здесь имеется в виду исследование особенностей употребления лексики в различных типах функционально-речевого контекста: разговорном, литературно-художественном, научном и др., а также отдельно — текстовом с целью более полного выявления состава лексико-семантических множеств, включающих не только основные значения, но и неосновные, переносные в том числе. Предметом наблюдений в этом случае становится речевая системность, речевая лексическая парадигматика, выявляемая на материале различных функциональных стилей речи, особенно часто — на материале художественных текстов группы авторов или отдельных авторов при изучении их идиостиля. Традиционная структурная терминология, ранее использованная для обозначения лексических множеств, в этом случае была уточнена, так как для рассмотрения привлекался и речевой материал. Лексические парадигмы получили название, указывающее на статус этих множеств: функционально-семантические поля, классы, группы и подгруппы. Если парадигмы выявлялись из текста, это также отражалось на их названиях: функционально-текстовое поле, группа, подгруппа. Таким образом, при функционально-лексическом подходе функциональные множества преимущественно обозначались как *функционально-семантические поля* (ФСП), *функционально-семантические классы* (ФСК) и *функционально-семантические группы* (ФСГ). Порой при этом, подчеркивая речевой статус подобных множеств, компонент *семантический* заменяли в их названии на *смысловой*: например, *функционально-смысловая группа слов*.

Функционально-синтаксический аспект: функционально-семантические классы, группы и подгруппы глаголов-предикатов

70—80-е годы XX века — это также период бурного развития функционально-семантического синтаксиса, который, по утверждению Н. Д. Ару-

тиюновой, представлял собой синтаксический бум [Арутюнова, 1976]. Большое внимание уделялось исследованию взаимодействия лексики, прежде всего глагола, глагольных ЛСГ, и синтаксиса, синтаксических и семантических моделей предложений, формируемых на их основе (Н. Н. Арват, В. В. Богданов, В. Г. Гак, Ф. Данеш, Г. А. Золотова, М. Кубик, Э. В. Кузнецова, Г. Г. Сильницкий, Т. П. Ломтев, Е. Н. Ширяев и др.). Сейчас, рассматривая эту ситуацию в аспекте лексической парадигматики, можно сказать, что именно в данный период получила развитие и теория семантических классов предикатов, рассматриваемых в единстве с их семантико-синтаксической функцией (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, Г. А. Золотова, Л. В. Васильев, З. Д. Попова, Т. П. Ломтев, О. Н. Селиверстова, Ю. С. Степанов и др.). Результаты теоретического рассмотрения этого вопроса нашли отражение в лексикографических параметрах, в частности, в словаре «Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь», который был создан лексикографами УСШ в 2004 году и неоднократно переиздавался позже [РГПЭСС, 2016]. В нем была представлена система семантических моделей русских глагольных предложений, их принципами выделения были, во-первых, отображение типовой ситуации (денотативный подход), во-вторых, роль типовой семантики ЛСГ глаголов (лексический подход), в-третьих, тип лексического значения глаголов-предикатов, который был важен при выявлении регулярных вариантов репрезентации базовых моделей (функционально-семантический подход).

Таким образом, принципами выявления семантических моделей как репрезентантов денотативных ситуаций процессуально-событийного мира стали типовая семантика ЛСГ глаголов на глубинном уровне и индивидуальная контекстуальная семантика глаголов-предикатов на поверхностном уровне речевой реализации базовых семантических моделей [Гак, 1969; Золотова, 1982; Кубик, 1977; Кузнецова, 1985; Ломтев, 1970; Норман, 1988; Сильницкий, 1973 и др.]. Процедура выявления семантических моделей предложений в качестве основного приема включала анализ лексических репрезентаций основных позиций модели, и прежде всего позиции предиката, так как главным компонентом семантической модели, соотносимым с ситуацией, считался именно предикат [Адамец, 1978; Арутюнова, 1976; Арутюнова и др., 1983; Богданов, 1977; Данеш, 1984; Норман, 1988; Попова, 1996; Семантические типы предикатов, 1982; Степанов, 1981 и др.]. По утверждению В. В. Богданова, «предикат — это наиважнейшее имя для номинируемой ситуации» [Богданов, 1977, с. 21]. Идея соотносительности ситуации и семантики предиката является одной из центральных в лексикографической концепции и Ю. Д. Апресяна, который писал о том, что «язы-

ком толкования предикатной (в частности, глагольной) лексемы является выполненное на упрощенном и стандартизированном естественном языке исчерпывающее и неизбыточное описание ситуации (физической или ментальной), которая ею обозначается. Описать ситуацию исчерпывающим и неизбыточным образом значит назвать всех ее участников и только их, указав все свойства каждого участника и отношения между ними и только эти свойства и отношения» [Апресян, 1996, с. 19].

В нашем экспериментальном синтаксическом словаре прямая связь структуры ситуации и семантики предиката учитывается при описании семантической модели, конкретнее — при выявлении обязательных участников ситуации и связывающих их отношений, закрепленных в актантных позициях при определенном типе семантического предиката.

Важно подчеркнуть и тот факт, что предикат является носителем не только главной идеи, типа ситуации, но и ее существенных проявлений [Апресян, 1996; Богданов, 1985; Гак, 1969; Лабов, 1983; Попова, 1996; Русская глагольная лексика: Денотативное пространство, 1999; Сильницкий, 1973], что выявляется прежде всего при привлечении к анализу категории лексико-семантических групп глаголов. Именно эта категория оказалась краеугольным камнем, скрепившим все подходы к описанию семантической структуры предложения [Арутюнова и др., 1983; Богданов, 1982; Золотова, 1982; Кубик, 1977], следствием чего стало специальное исследование семантических типов предикатов, в частности глагольных предикатов [Арват, 1974; Богданов, 1977; Булыгина, 1982; Золотова, 1982; Степанов, 1981; Селиверстова, 1982; Сильницкий, 1973; Шведова, 1983], а в дальнейшем — типологии пропозиций как логических форм презентации ситуаций [Адамец, 1978; Арутюнова, 1976; Гак, 1969; Степанов, 1981; Шмелева, 1983]. Описание семантических моделей предложений на базе определенных ЛСГ оказалось оптимальным, ибо «валентные свойства словесных форм как членов модели принадлежат не отдельным словам, а классам слов внутри одной части речи» [Ломтев, 1961, с. 28]. Именно глаголы одной ЛСГ обладают одинаковыми моделиобразующими интенциями. Подобная многоаспектная связь глагола с синтаксической организацией предложения сказалась на внешней структуре словаря, иерархическая организация которого фактически полностью повторяет синопсис большого толкового словаря русских глаголов [БТСРГ], в частности, набор представленных в вершине иерархии следующих семантических полей: 1) действия и деятельности, 2) бытия, состояния и качества, 3) отношения. В то же время микроструктура словаря — его словарная статья — принципиально отличается принципами описания от презентации одной

ЛСГ глаголов в БТСРГ. В ней впервые выделяются следующие параметры описания множеств глаголов-предикатов, формирующих соответствующие словарные зоны в структуре словарной статьи: 1) типовая семантика группы, включающая описание отображаемой типовой ситуации; 2) базовая семантическая модель, представляющая структуру типовой денотативной ситуации с указанием ее основных компонентов; 3) основные предикаты, свойственные всей группе, аналогичные глаголам-идентификаторам групп; 4) типы репрезентаций — регулярных вариантов базовой модели, сопровождаемые списками глаголов-предикатов, указанием структурных схем и иллюстрациями контекстуального употребления глаголов. В процессе реализации трех регулярных вариантов этой модели формируются функционально-семантические группы предикатов, внутри которых с учетом конкретных значений формируются подгруппы глаголов-предикатов. Так, возьмем для примера словарную статью 2.2.4.3. «Предложения, отображающие ситуацию приведения в эмоциональное состояние». Основные предикаты этой группы — *возбуждать, вызывать, доставлять, приносить, причинять*.

Вся функционально-семантическая группа насчитывает около 250 глаголов-предикатов. С учетом направлений регулярного варьирования в ней выделяется три подгруппы глаголов-предикатов, употребляющихся, во-первых, в основных лексических моделях — около 150 глаголов, во-вторых, в совмещенных моделях — 25 глаголов, а также в образных семантических моделях — 95 глаголов. Доминируют в этой группе основные и образные семантические модели. В каждой подгруппе имеются свои специализированные частные варианты репрезентации ранее указанных регулярных вариантов модели: 8 основных лексических, 4 совмещенных и 11 образных. Каждый частный вариант содержит описание структуры модели, ее типовой семантики, перечень типичных для нее минимальных и расширенных структурных схем, список типичных глаголов-предикатов одной подгруппы и иллюстрации. Приведем фрагменты описания частных семантических моделей разного типа, оставив в них только типовую семантику и перечень глаголов-предикатов.

Основная лексическая модель № 2:

«Человек вызывает у кого-л. своими действиями, словами, внутренними и внешними качествами и т. п. положительные эмоции.

Пред.: *веселить кого-что, восторгать кого, восхищать кого чем, забавлять кого, обволакивать кого чем, обнадеживать кого чем, окрылять кого, осчастливливать кого, очаровывать кого чем, прельщать кого чем,*

прельщать кого, радовать кого, развлекать кого, растрогать кого-что, смешить кого, соблазнять кого, разг. тешить кого чем, трогать кого, умилять кого, умиротворять кого, успокаивать кого».

Совмещенная модель № 4:

«Какие-л. признаки, свойства предметов, различные ситуации, состояния, а также мысли, настроения вызывают у человека какое-л. эмоциональное состояние и являются средством эмоциональной поддержки.

Пред.: *бодрить кого-что, ободрять кого чем, приободрять кого, утешать кого чем».*

Образная семантическая модель № 3:

«Человек или какое-л. событие, ситуация приводят человека в какое-л. эмоциональное состояние, вызывают какое-л. чувство, будто подвергая его воздействию огня, жара или холода.

Пред.: *воспламенять кого-что, горячить кого-что, жечь кого-что, зажигать кого-что, замораживать кого, накалять что, обжигать кого-что, отогревать кого-что, остужать что, охлаждать кого-что, разг. подогрывать кого-что, пробирать кого, прожигать кого, пронимать кого, разжигать кого-что, разг. разогрывать кого, распалать кого-что, согрывать кого-что, холодить кого-что».*

Особый интерес представляет второй тип регулярной репрезентации семантической модели, предикатами которой являются глаголы комплексных сложных значений, отображающие сразу несколько, от двух и более, ситуаций в своем лексическом значении. На подобные глаголы-предикаты мы обратили внимание еще при создании БТСРГ, так как они благодаря комплексной семантике обуславливали неоднозначность их идентификации и отнесения только к одной группе, вследствие чего они квалифицировались нами как глаголы с совмещенной и включенной семантикой [Бабенко, 1997, с. 30—45], порождающие такой существенный признак семантических полей, как пересекаемость, освещению которой посвящена монография [Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм, 1997]. В рассматриваемом синтаксическом словаре они формируют особый совмещенный вариант регулярной реализации семантической модели.

Итак, множество глаголов-предикатов одной семантической группы предстает распределенным на подгруппы с учетом когнитивных стратегий отображения типовых ситуаций с помощью прямых номинаций, комплексных номинаций, передающих слияние ситуаций разного типа, метафори-

ческих номинаций, основанных на отображении образных ассоциаций. Вследствие этого в целостной структуре ФСГ глаголов-предикатов, соответственно, выделяются: 1) подгруппа глаголов-предикатов, употребляющихся в основных лексических вариантах репрезентации базовой семантической модели; 2) подгруппа глаголов-предикатов, употребляющихся в совмещенных вариантах; 3) подгруппа глаголов-предикатов, употребляющихся в образных метафорических вариантах. Каждой семантической модели присущ свой набор основных лексических вариантов модели, совмещенных моделей и образных моделей, а для их выделения и разграничения особое значение имеют семная структура глагола-предиката (в особенности его интерпретационная дифференцирующая сфера) и лексическое окружение. Первый тип лексико-семантического варьирования базовой модели адекватно отражает ситуацию и репрезентирует ее, по терминологии Т. В. Шмелевой, стандартным образом, второй тип представляет собой тоже стандартную, но усложненную лексико-семантическую репрезентацию, третий репрезентирует ситуацию нестандартным образом.

Таким образом, все семантико-синтаксическое множество глаголов-предикатов предстает систематизированным по двум аспектам: во-первых, с учетом трех регулярных вариантов реализации основной семантической модели: основного лексического, комплексного совмещенного и образного метафорического. Во-вторых, с учетом частных вариантов модификаций контекстуальных значений глаголов-предикатов выделяются семантические разновидности предикатов уже внутри одной подгруппы.

При подобной интерпретации все множество предикатов одной группы — репрезентантов определенной семантической модели — представляет собой единую совокупность, организованную по принципу поля, ядром которого является базовая семантическая модель, прилегающую зону заполняют основные изосемические глаголы-предикаты, зону ближайшей периферии — глаголы комплексной семантики с включенной и совмещенной дополнительной пропозицией, зону дальнейшей периферии — глаголы-предикаты с метафорическим значением. Подобную совокупность глаголов можно обозначить как *функционально-семантический класс глаголов-предикатов* (ФСКГП), ибо он выявляется на основе анализа и обобщения глаголов-предикатов, реализующих общую базовую семантическую модель и выполняющих однотипную семантико-синтаксическую функцию. Главный принцип выявления ФСКГП — функционально-синтаксический: роль глагола в функции предиката русских глагольных предложений определенной типовой семантики, отображающих типовые денотативные ситуации. Эти классы глаголов-предикатов представляют собой

базовый срединный уровень категоризации процессуально-событийного мира, поэтому они, с одной стороны, включаются в качестве составных в вышерасположенные по иерархии функционально-семантические поля типа ДЕЙСТВИЕ, СОСТОЯНИЕ и др., с другой стороны, включают в свой состав нижерасположенные в иерархии подгруппы.

В целом макроструктура экспериментального синтаксического словаря русских глагольных предложений повторяет синопсис большого толкового словаря русских глаголов с его иерархической организацией и набором семантических полей, классов и групп. Фактически в обоих словарях (и в ТИСРГ, и в РГПЭСС) совпадает объект идеографического описания — русская глагольная лексика, но меняется ее интерпретация, угол зрения. В ТИСРГ отображена системная организация русской глагольной лексики в синхронном срезе, в статике, в РГПЭСС представлены результаты рассмотрения ее в динамическом аспекте, с точки зрения формирования семантических моделей и анализа их функционирования в речи, с акцентом на речевое варьирование как самих семантических моделей, так и глагольного замещения предикатной позиции. Вследствие этого, имея общие закономерности в плане макроструктурной организации словарей и синопсиса, они принципиально отличаются характером интерпретации глагольной лексики: в первом случае отображаются закономерности ее системной организации, во втором — семантические модели предложений, формируемые глаголами-предикатами определенных ЛСГ глаголов, и само динамическое множество глаголов-предикатов, также системно организованных, но с учетом стратегии их семантико-синтаксического функционирования в речи. Если в ТИСРГ глаголы в составе ЛСГ и их подгрупп даются списками и по алфавиту, то в РГПЭСС они предстают систематизированными по характеру лексических значений: основные номинативные, комплексные совмещенные и образные метафорические. С позиций функционально-семантического подхода ЛСГ глаголов объединяются в качественно новые группировки с учетом их семантико-синтаксических функций, их семантической специализации. Вследствие этого группировка глаголов в РГПЭСС другая, актуализирующая и отображающая, во-первых, различия в способах репрезентации базовой модели (основные, совмещенные и образные), во-вторых, частные варианты конкретизации и интерпретации базовой модели, наблюдающиеся внутри, в русле этих основных стратегий. Заклучая рассуждения, можно подчеркнуть, что в РГПЭСС воплощена принципиально иная стратегия интерпретации русской глагольной лексики, позволившая показать новые аспекты формирования русской языковой картины мира, что отразилось и на появлении в системе словесных парадигм ново-

го типа множеств — *функционально-семантических множеств глаголов-предикатов: классов, групп и подгрупп.*

2.4. Интерпретация множеств единиц языка и речи в денотативно-идеографическом и когнитивно-дискурсивном аспектах

Когнитивное изучение языка, исследующее взаимодействие языка и мышления, рассматривающее язык и как инструмент познания мира, и как механизм выражения и хранения знаний о нем, является в настоящее время генерализующим направлением в языкознании, которое сформировалось прежде всего на базе достижений в области системной и функциональной лингвистики и теоретической семантики. Особое значение в этом отношении имеют результаты структурно-семантического изучения лексики, которые позволили представить ее как систему систем, организованную иерархически и состоящую из лексических множеств разного объема и ранга, прежде всего лексико-семантических и функционально-семантических полей, классов, групп и подгрупп (Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, В. М. Морковкин, Н. Ю. Шведова и др.). Представления о иерархически организованной системе лексики, формируемой и репрезентируемой категориями разного ранга, оказались непосредственно связанными с развитием концепции языковой картины мира, с разработкой проблем категоризации и концептуализации мира действительности. Рассмотрение языка и речи в когнитивно-дискурсивном аспекте стало логическим основанием развития концепции антропологической парадигмы в языке в целом и, в частности, роли лексики в формировании языковой картины мира с учетом механизмов категоризации и концептуализации действительности в процессе ее отображения в языке [Болдырев, 2018].

В период начала XXI века в поле зрения лексикографов попали и стали предметом рассмотрения комплексные множества, по отношению к выявлению и описанию которых стал активно использоваться когнитивно-дискурсивный подход в единстве с денотативно-идеографическим описанием материала. В нашей практике подобный комплексный подход был использован при интерпретации трех разных типов множеств языковых и речевых единиц, которые имеют определенное сходство в когнитивных стратегиях их формирования и рассмотрения. Прежде всего оно проявляется в неоднородности набора составляющих их единиц, комплексности и многоаспектности их рассмотрения, использовании когнитивной методологии. Все они нашли отображение в идеографических словарях, к которым относятся, во-первых, словари синонимов: «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» [СТСРР] и «Большой толковый идеографический словарь синонимов русской речи» [БТИСРЯ], во-вторых, «Большой толко-

вый словарь синонимико-антонимических комплексов» (в процессе создания и подготовки) и, в-третьих, словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» [КРЯКК].

Когнитивно-дискурсивный аспект рассмотрения репрезентаций отношений тождества: лексико-фразеологические комплексы

Коллектив УСШ более 20 лет занимается созданием идеографических словарей синонимов разного типа, работа над которыми началась на рубеже XX и XXI веков и продолжается до сих пор. К настоящему времени опубликованы пять версий словарей синонимов: два словаря-тезауруса, два словаря синонимов русского языка, рассчитанных на широкого пользователя, и первый том большого толкового идеографического словаря синонимов, опубликованный в серии «Фундаментальные словари» и рассчитанный на грамотного подготовленного пользователя [БТСССР].

Лексическая синонимическая система принципиально отличается от частеречных лексических систем, которые семантически и грамматически профилированы обычно на отображение определенных фрагментов мира: глаголы — процессуально-событийного, существительные — предметного, прилагательные и наречия — признакового и т. д. Синонимы нацелены на отображение отношений тождества, связывающих разные сущности мира действительности — предметные, процессуальные, ментальные и мн. др. — и актуализирующих их сходство. Они представляют собой поличастеречное множество слов, избирательно отображающих мир действительности, те его фрагменты, которые наиболее значимы для человека, народа, для его национального сознания. Так, частотные данные словаря-тезауруса синонимов русской речи показывают, что наиболее значимыми сферами бытия для русского национального сознания оказываются те, которые отображают образ человека — 75 % (в том числе эмоции — около 20 %, интеллект — 8 %, речь — 6 % и др.), а также социальную деятельность (15 %), социальную сферу (8,5 %), живую природу (7,7 %) и восприятие мира (9,5 %). Семантико-грамматическая природа состава множеств синонимов, их функция — отождествление наиболее значимых фактов, явлений, действий и пр. — принципиально отличают их от других лексических множеств прежде всего в когнитивном отношении, ибо их предназначение — отображать не весь мир в его целостности, а наиболее важные для человека фрагменты, используя для этого множественную номинацию определенных сторон бытия. Это отражается как в наборе самих множеств синонимов, так и в их внутреннем составе. Выявить эти особенности синонимической картины мира помогает жанровая природа созданных сло-

варей, которые относятся к разряду идеографических. Впервые подобный формат представления синонимов был воплощен в словаре-тезаурусе синонимов русской речи [СТСРР], в котором синонимы подавались списками внутри идеографических групп, систематизированных с опорой на Синописис [Бабенко, 2015, с. 22—42]. Кроме того, в нем учитывался и денотативно-идеографический подход, в соответствии с которым впервые в денотативной сфере «ЭМОЦИИ» они были распределены по денотативным классам, во-первых, с учетом конкретных номинаций эмоций, во-вторых, с учетом их оппозитивной природы. Вследствие этого в иерархии классов эмотивной лексики было выделены оппозитивные классы, внутри которых они рассматривались по денотативно-идеографическим группам слов, близких по эмотивной семантике. Всего было выделено 20 классов синонимов, внутри которых количество ДИГ и их соотносительность — самые разные. Например, в оппозитивном классе *Спокойствие — беспокойство* всего четыре соотносительных ДИГ, одна — с положительной семантикой (*Спокойствие*), а три — с негативной (*Беспокойство*; *Возбуждение*; *Раздражение*).

Уникальность рассматриваемого нами большого идеографического словаря [БТССРР] заключается не только в идеографическом принципе расположения синонимов, но и в принципах их презентации, критериях отбора, разработанных лексикографических параметрах, которые воплощены в макро- и микроструктуре словаря, в моделировании типовой семантики синонимических рядов слов (здесь и далее — СР), правил толкования значений синонимов, неоднократно рассмотренных нами ранее [Бабенко, 2018, с. 81—99].

В результате нового взгляда на синонимию, представленного в анализируемом словаре [БТССРР], стало возможно интерпретировать их как новый тип множеств, как *когнитивно-дискурсивный лексико-фразеологический комплекс* (КДЛФК), который понимается как совокупность разнородных языковых и речевых единиц: синонимов, антонимов, фразеологизмов, близких по смыслу, отображающих тождественные явления, качества, отношения, действия и др., имеющих совпадающие или близкие значения, основные и переносные.

Для выявления специфической природы и организации этих множеств необходимо проанализировать и обобщить особенности их словарного представления, хотя бы перечислительно отметив основные лексикографические параметры их описания в словаре. Прежде всего следует заметить, что предметом лексикографического описания в словарной статье этого словаря является не один синонимический ряд, а вся совокупность

СР, которые раскрывают одну тему, совпадают семантически, хотя грамматически могут различаться, могут быть представлены в различных «грамматических масках», отличаться модификационными значениями. Всю совокупность подобных тематически близких СР мы называем близкородственными синонимическими рядами (здесь и далее — БРСР). Из них выбирается основной СР, который является предметом многоаспектного описания в словарной статье, все остальные БРСР помещаются в отдельную словарную зону, где даются перечислительно с указанием их обобщенно сформулированной семантики. Кроме того, есть специальные словарные зоны, выделенные для соотносительных с синонимами антонимов и фразеологизмов. Завершая обзор лексикографических параметров освещения синонимов в БТССРП, приведем последовательный список основных словарных зон в микроструктуре словарной статьи: заглавное слово — доминанта СР; состав СР; типовая семантика СР, представленная в двух словарных зонах, которые обозначены как (1) семантическая идея и (2) прототип; семантические сходства и различия всех синонимов основного СР; близкородственные синонимические ряды; антонимы; фразеологизмы.

Учитывая все перечисленные особенности словарного представления синонимии, мы решили обозначить их совокупность, представленную в одной словарной статье, как когнитивно-дискурсивный лексико-фразеологический комплекс (здесь и далее — КДЛФК). Приведем в качестве примера словарную статью СР «БЕСПОКОЙСТВО», которая относится к денотативно-идеографической сфере «Эмоции» и входит в оппозитивный денотативно-идеографический класс 4.1.10. *Спокойствие — беспокойство*. Этот комплекс раскрывается в словарной статье, в которой предметом описания является СР **БЕСПОКОЙСТВО**, ВОЛНЕНИЕ, СМЯТЕНИЕ, ТРЕВОГА. Его доминанта — **БЕСПОКОЙСТВО**, семантическая идея — «состояние нервного возбуждения, напряжения, душевного неспокоя, вызываемое различными чувствами, переживаниями, приятными или неприятными, а также ожиданием чего-либо нового, непредвиденного, предчувствием чего-либо неизвестного, обычно неприятного». В этом ряду беспокойство интерпретируется как эмоциональное состояние. Наряду с основным СР в это множество включены пять близкородственных СР с доминантами **БЕСПОКОЙНЫЙ 1** (*исполненный беспокойства* — 15 синонимов), **БЕСПОКОЙНЫЙ 2** (*такой, кто ищет предмет беспокойства* — 2 синонима), **БЕСПОКОИТЬ/ОБЕСПОКОИТЬ** (*приводить в беспокойство* — 27 синонимов), **БЕСПОКОИТЬСЯ/ОБЕСПОКОИТЬСЯ** (*находиться в состоянии беспокойства* — 17 синонимов), **БЕСПОКОЙНО** (*с чувством беспокойства* — 5 синонимов). В этих СР семантико-грамматическими средства-

ми актуализируются различные аспекты переживания этой эмоции. Всего в 6 указанных СР употреблено 70 синонимов. Наряду с ними в этом КДЛФК указаны три пары антонимических оппозиций:

- *спокойствие* (к *Беспокойство, Волнение, Смятение, Тревога*);
- *успокаивать / успокоить* (к *Беспокоить/обеспокоить*);
- *успокаиваться / успокоиться* (к *Беспокоиться/обеспокоить*).

Кроме того, в нем представлено около 50 фразеологизмов с аналогичной семантикой, например: ‘выводить / вывести из равновесия *кого*; сердце (душа) не на месте *чья, кого, у кого*; лишать / лишить покоя *кого*; не знать покоя; сходить с ума; быть (сидеть и т. п.) как на иголках; быть (сидеть и т. п.) как на [раскаленных] угольях (углях)’ и др.

Всего в анализируемом КДЛФК около 130 единиц: синонимов (70), антонимов (9), фразеологизмов (50).

Таким образом, уникальность данного комплекса заключается в многоаспектности представления синонимии, позволяющего на основе базового СР сформировать лексико-фразеологическое семантическое поле, состоящее из структурно разнородных единиц языка и речи, имеющих общую типовую семантику и в то же время — различительные признаки, обусловленные семантико-грамматическими вариантами ее интерпретации.

Когнитивно-дискурсивный аспект рассмотрения взаимодействия отношений тождества и противоположности: синонимико-антонимические комплексы

В денотативно-идеографическом пространстве языка есть фрагменты, организованные на основе контаминации отображаемых явлений, к которым относятся и склеенные ментальные пространства отношений тождества и противоположности. Они стали объектом описания в создаваемом в настоящее время коллективом УСШ новом Большом толковом идеографическом словаре синонимико-антонимических комплексов [БТИССАК].

Это еще один новый уникальный тип лексических множеств, представляющий собой синонимико-антонимический комплекс (здесь и далее — САК) — совокупность синонимов и антонимов, в результате их взаимодействия имеющих специфически организованную комплексную интегративную семантику и особую структурную организацию. Она формируется на основе базовых антонимических оппозиций, включающих при этом регулярные варианты, формирующие подгруппы САК, а также в составе последних — частные синонимико-антонимические оппозиции. Особенность структуры этого словаря заключается в том, что именами-номинантами САК разного уровня и ранга являются двучленные антонимические оппозиции типа ДРУЖБА — ВРАЖДА, ВЕРА — НЕВЕРИЕ и др.

В результате складывается иерархическая организация указанных САК, которая отражается в структуре словаря — его глобальной структуре, макроструктуре словарной статьи САК, микроструктуре частной антонимической оппозиции. Эти разновидности САК имеют свои особенности лексикографической интерпретации, которые рассмотрены нами ранее [Бабенко, 2019; Бабенко, 2020]. Как и в других идеографических словарях, в анализируемом словаре выделяются основные принципы формирования лексических множеств и лексикографических стратегий их интерпретации. В данной статье наше внимание уделено освещению природы лексических множеств, представленных в словаре САК, их специфике и сходству интерпретации с другими лексическими множествами, имеющими комплексную природу.

Лексикографическая интерпретация САК основывается на применении к их описанию совокупности научных подходов: когнитивно-дискурсивного, денотативно-идеографического, структурно-семантического, а также дополнительно — деривационно-семантического. Как и в других идеографических словарях, в анализируемом словаре выделяются уровни иерархии в организации САК разного ранга: глобальная структура, включающая все множество САК словаря, суперструктуры денотативных сфер, макроструктура определенной ДИГ — самая основная структура срединного уровня иерархии словаря. В ней условно выделяется три уровня иерархии: на первом, высшем уровне располагается базовая антонимическая оппозиция, репрезентирующая весь макрокомплекс одной ДИГ, на втором нижележащем уровне — основные антонимические оппозиции, репрезентирующие подгруппы САК. На третьем нижележащем уровне — отдельные частные оппозиции в составе подгрупп, репрезентирующие синонимико-антонимические микрокомплексы. Например, базовая антонимическая оппозиция **УДАЧА ↔ НЕУДАЧА** формирует макрокомплекс, соответствующий ДИГ, который включает в совокупности 22 частных варианта регулярных антонимических оппозиций, содержащих в своем составе 135 лексем, связанных отношениями тождества и противоположности одновременно. В свою очередь, эти варианты объединяются в три подгруппы, заглавными оппозициями которых являются следующие:

УДАЧА ↔ НЕУДАЧА (7 оппозиций, 51 слово). Например: *Удача, счастье ↔ Неудача; Удачливость ↔ Неудачливость; Разг. удачник, счастливец, счастливый, разг. Счастливчик ↔ Разг. неудачник, трад.-поэт. горюша, устар. бедняк, устар., разг. несчастливец, разг. бедняга, разг., ласк. бедняжка, разг. бедолага, разг. горемыка, разг.-сниж. бездоля, разг.-сниж. горюн и др.*

УСПЕХ ↔ НЕУДАЧА (7 оппозиций, 49 слов). Например: *Успех ↔ Неудача; Успешный, благополучный, благоприятный, небезуспешный, счастливый, удачный ↔ Неуспешный, неудачный, неблагоприятный, неблагоприятный, нескладный, несчастливый, разг. незадачливый; Успех, перен. выигрыш ↔ Перен. провал, перен. крах, перен. проигрыш, книжн. фиаско, устар. афронт, разг., разг.-сниж., перен. облом, жарг. завал, жарг. пролет* и др.

ВЕЗЕНИЕ ↔ НЕВЕЗЕНИЕ (8 оппозиций, 42 слова). Например: *Разг. везение и везенье, разг.- сниж. везуха ↔ Разг. невезение и невезенье, разг.-сниж. невезуха; Разг. везучесть ↔ Разг. невезучесть; Разг. везучий ↔ Разг. невезучий, разг. незадачливый; Разг., шутил. везунчик, разг. везун, разг., шутил. везунок ↔ Разг.-сниж., шутил. непрушник, жарг. лузер* и др.

Внутри этих микрокомплексов наблюдаются деривационные связи между антонимическим оппозициями, отображающие их модификационные значения и позволяющие интерпретировать типовую семантику оппозиций в определенных регулярных аспектах как состояние (*везение — невезение*), качество человека (*везучесть — невезучесть*), характеристику человека как носителя качества (*удачник — неудачник*), то, что вызывает это состояние (*счастливый — несчастливый*) и др. Доминирующую роль в формировании САК играют антонимы, порождая двудерность структуры САК, а синонимы выполняют в большей степени функции конкретизации и расширения синонимико-антонимического поля в его приядерной и периферийной зонах. В результате объемы САК различных денотативно-идеографических групп отличаются друг от друга, оказываются специфичными, что обусловливается особенностями отображаемых фрагментов действительности и требует специального рассмотрения. Необходимо отметить, что для каждой денотативно-идеографической сферы, класса и группы свойственна своя специфика структуры САК, свои содержательно-структурные особенности. Это проявляется в количестве основных базовых антонимических оппозиции в САК, регулярных частных вариантов в составе микрокомплексов САК, а также в специфике их семантики, рассматриваемой в аспекте интерпретации и профилирования типовой семантики.

Итак, синонимико-антонимический комплекс — это совокупность синонимов и антонимов одной тематической направленности, отображающих различные аспекты общей денотативной макроситуации, одновременно связанных отношениями тождества и противоположности, формирующих эквивалентные оппозиции, передающие их комплексный пересекающийся характер.

Когнитивно-дискурсивный аспект рассмотрения языковых и речевых единиц — репрезентантов концептов: когнитивно-дискурсивные концептуальные комплексы

Конец XX и начало XXI веков связаны с развитием когнитивной лингвистики, способствовавшей появлению нового взгляда и на лексические множества, их роль в процессе категоризации и концептуализации мира, в формировании ЯКМ (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов и др.), что явилось фактором актуализации разработки лексикографических параметров их словарного представления. К настоящему времени создано несколько словарей, в которых реализованы различные, порой концептуально не совпадающие научные подходы к словарному освещению концептов, лексикографического представления их ментальной сущности. Особо следует отметить значимость в сфере концептографии выдающегося словаря Ю. С. Степанова [Степанов, 1997] и фундаментального словаря под ред. Н. Ю. Шведовой [Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире, 2011]. Опыт лексикографической интерпретации концептов есть и в УСШ, что позволяет на его материале ставить вопрос о статусе и природе совокупности репрезентаций концептов как об еще одном варианте лингвистического множества. Объектом наблюдений в данном случае является словарь «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации» [КРЯКК], в котором представлена денотативно-идеографическая таксономия концептов, так же, как и ранее, осуществленная с опорой на Синописис, реализовано наше представление о концепте, его ментальной сущности, когнитивной ментальной структуре и специфике ее репрезентации в языке и речи [Бабенко, 2017]. В этом словаре воплощено представление о когнитивно-дискурсивном множестве единиц языка и речи, участвующих в репрезентации ментальной сущности концептов, которое нами обозначается как *когнитивно-дискурсивный концептуальный комплекс*. При его формировании особо значимыми являются когнитивные стратегии категоризации, концептуализации и репрезентации. Как известно, процедура категоризации нацелена на выявление категорий, воспринимаемых и осознаваемых как существенные в организации мира, концептуализация — на обнаружение и описание когнитивных признаков, свойственных категориям в целом и объектам, их составляющим, это также выявление когнитивных признаков концептов, оформленное в виде целостных представлений. При этом категоризация и концептуализация взаимодействуют, они связаны между собой отношениями дополнительности. Репрезентация — это чрезвычайно сложная многовекторная процедура, или она так осмысливается, когда речь идет о репрезентации

концепта. Во-первых, репрезентация может быть ментальной, когда она трактуется как когнитивный процесс, направленный от действительности к осознанию и сознанию, как способ закрепления в нем знаний о мире в виде концепта. В этом случае ментальная репрезентация интерпретируется как концепт — как ментальная сущность, мысленное представление, в котором аккумулированы знания человека о мире, полученные в процессе его познания, категоризации и концептуализации. Это ментальный вариант репрезентации концептом реальной действительности, когда он становится заместителем явлений, ситуаций, событий в нашем сознании, основанным на отображении мира и знаний о нем в виде представлений. При таком понимании репрезентации важной является содержательная сущность концепта, его план содержания. Во-вторых, репрезентация может быть вербальной, когда она связана с объективацией концептуальных представлений в языке и речи. При этом можно говорить о двух вариантах ословаривания: о категориальной лексической и о множественной комплексной вербализации концепта. В первом случае он получает имя как знак номинации концепта, его основной ключевой репрезентант, объединяющий и интегрирующий в единое когнитивно-дискурсивное целое всю совокупность его языковых и речевых средств репрезентации под этим именем. Можно сказать, что в подобном случае он выполняет функцию категоризации — отнесения концепта к определенной категории в процессе обобщения его материально-знаковых репрезентаций.

В случае с множественной комплексной репрезентацией концепта речь идет о его объективации в языке, речи и дискурсе с помощью совокупности языковых и речевых средств: лексических, фразеологических, паремиологических, дискурсивных, которые выполняют функцию многоаспектной интерпретации, характеристики, конкретизации базового концепта, обогащения его ментальной структуры. Вся совокупность выявленных единиц языка и речи, связанных с репрезентацией общего концепта, представляет собой не что иное, как специфическое множество — *когнитивно-дискурсивный концептуальный комплекс* (КДКК).

Структура словарных статей в [КРЯКК] отражает указанную нами многовекторность механизма репрезентации, она состоит из двух содержательно и структурно соотнесенных частей, первая из которых представляет описание ментальной сущности концепта с указанием ее когнитивных признаков (здесь и далее — КП), относящихся к различным словарным зонам: ядру концепта, приядерной зоне, ближайшей периферии и дальнейшей периферии. Соответственно этому, во второй части словарной статьи приводимые лексические репрезентации дифференцируются на три группы — ос-

новные, совмещенные и ассоциативно-образные, после которых списками приводятся фразеологические и паремиологические репрезентации. При этом в первой структурной части словарной статьи описание перечня КП концепта сопровождается обычно иллюстрациями их репрезентаций.

Таким образом, ментальная структура концепта и КДКК моделируется однотипно, по принципу поля, что обнаруживается в зеркальности их организации: в ментальной структуре есть ядро концепта, приядерная зона — конкретизирующие КП, ближайшая периферия — совмещенные КП, и дальнейшая периферия — образно-метафорические, национально-культурные, модальные и оценочные КП. Структура КДКК зеркально организована, в ней выделяются основные лексические, совмещенные и ассоциативно-образные лексические репрезентации, дополненные фразеологизмами и пословицами, содержащими преимущественно прагматические КП. Например, в КДКК НЕУДАЧА 200 единиц, репрезентирующих концепт, в составе которых 17 СР, включающих 78 лексем, из которых 43 слова (5 СР) — основные лексические репрезентанты, 23 слова (4 СР) — совмещенные, 12 лексем (8 СР) — ассоциативно-образные. Кроме того, в составе этого комплекса 88 фразеологизмов, 13 пословиц. Большой объем представленных единиц одного концептуального комплекса позволяет выявить многослойную ментальную структуру концепта с учетом всех регулярных аспектов его интерпретации. Так, анализ основных репрезентаций выявил комплексный эмотивно-событийный характер этого концепта, отраженный в его базовом КП, который осмысливается как нечто непредсказуемое, несчастливое стечение обстоятельств, как удар судьбы, неуспех, вызывающий чувства огорчения и разочарования (*неудача, крах, неуспех, невезение, незадача, невезуха, облом, провал, прокол*). Анализ репрезентаций выявляет набор конкретизирующих КП, таких как субъектность (*неудачник, банкрот, горюша, несчастливец, бедняга, бедолага, невезунчик, непррушник, лузер*), обделенность судьбой (*пасынок судьбы, жизни, фортуны*), степень интенсивности (*осечка, неудача, неуспех, провал, крах*), обусловленность субъективными факторами (*прокол, осечка*) или объективными (*невезение, незадача*), единичность (*прокол, осечка*), повторяемость (*полоса неудач, полоса невезения*) и др. В качестве совмещенных КП указываются разного рода последствия неудач, в результате которых человек может оказаться в смешном положении (*сесть в лужу*) или утратить надежду, веру в будущее (*опускать / опустить руки; руки опускаются / опустились; падать / упасть (пасть) духом*), может опуститься, лишиться энергии жизни и желания что-либо делать (*сойти с дистанции; идти ко дну*), что обнаруживается в поведении и внешности неудачника (*бледный*

вид; гнуться / согнуться в дугу; гнуться / согнуться в три погибели), он сдается и принимает свою судьбу (*[поднять] лапки вверх (кверху); руки опускаются / опустились*).

Неудачники часто обманываются в расчетах, предпочитая плохое хорошему, худшее — лучшему (*купить свинью за бобра; менять / променять кукушку на ястреба*), остаются вообще ни с чем, безрезультатно пытаются сделать что-либо (*гоняться (гнаться) за журавлем в небе; биться как рыба об лед; сорвался карась; делать / сделать собаке (кобелю, псу, коту) под хвост; пошло (летит) ко [всем] псам собачьим*) или получают ничтожный результат (*гора родила мышь*).

Широкий спектр образных представлений о неудаче: она ассоциируется с пустотой (*с пустыми руками (уйти, вернуться)*); с полным отсутствием чего-либо, нулевым результатом (*остаться (уйти, вернуться и т. п.) ни с чем; оставаться / остаться ни при чем; пролететь мимо кассы; бить мимо цели*), с чем-то разрушенным, разбитым (*остаться [оказаться] у разбитого корыта; разбитое корыто; обломать/сломать зубы*), с разрушением, повреждением чего-либо (*крах, облом, провал, прокол, срыв*), с повреждением организма человека (*свернуть себе шею; сломать себе голову*). Неудачники сравниваются с утопленником, утопающим (*Утопающий за бритву хватается; везет как утопленнику*), птицами (*Чиж пел-пел, да на мель сел; Сорока сама рассказывает, где свила гнездо*), рыбой (*Не до шуток рыбке, копь на крючок попалась*). Жесты и поведение человека, допустившего промашку, столкнувшегося с неудачей, специфически обозначаются (*кусать локти, чесать затылок, свистеть в кулак*).

Следует подчеркнуть, что формирование КДКК и моделирование ментальной структуры концепта — двунаправленный процесс: отталкиваясь от имени концепта, мы выявляем множество его репрезентаций — КДКК, и, наоборот, анализируя семантику множества репрезентаций, выявляем иерархически организованный набор его когнитивных признаков.

Рассматриваемый тип множеств мы обозначили как комплекс, желая подчеркнуть неоднородность его состава, соединение в одну целостность различных, но концептуально связанных единиц языка и речи. Репрезентантами одного концепта, формирующего подобный КДКК, являются и лексика различной частеречной природы, и фразеология, и паремиология, и тексты различной дискурсивной природы — литературно-художественные, разговорные, политические и пр., задействованные в отображении и выражении определенных знаний о мире и организованные с учетом формата этих знаний — информативных, интерпретационных, оценочных, метафорически-образных, национально-специфических и др. КДКК

отличаются от других множеств тем, что они репрезентируют многосторонние, более полноценные представления о мире, не только имеющие констатирующий характер, но и содержащие оценочные интерпретации и морально-этические рекомендации, опирающиеся на многовековой опыт и закрепленные во фразеологии и паремиологии русского языка. Они организованы в структуру по типу поля и участвуют в репрезентации знаний в формате концептов, выполняющих функцию категоризации мира и концептуализации его фрагментов.

3. Выводы

Итак, мы рассмотрели восемь различных типов языковых и речевых множеств в динамике их формирования и научной интерпретации в эпоху смены научных парадигм, природа и разновидности которых также обусловлены их семантико-грамматической, функциональной и когнитивно-дискурсивной природой. Исследование показало, что за полувековой период теория лексических множеств значительно продвинулась благодаря ситуации полипарадигмальности в лингвистике, позволившей многоаспектно с различных позиций выявить динамику развития множеств единиц языка и речи, появление принципиально новых семантических объединений, их типологию, истоки, факторы и принципы формирования. Это в дальнейшем поможет наметить перспективы их изучения и внедрения в научную и педагогическую деятельность.

Источники и принятые сокращения

1. БТИССАК — *Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов* : проспект / под редакцией профессора Л. Г. Бабенко. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019. (В печати.)
2. БТСРГ — *Большой толковый словарь русских глаголов* : идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / под редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2007. — 576 с.
3. БТСРС — *Большой толковый словарь русских существительных* : идеографическое описание, синонимы, антонимы / под редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. — 864 с.
4. БТСРР — *Большой толковый словарь синонимов русской речи* : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2008. — 784 с.
5. КРЯКК — *Концептосфера русского языка* : ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) : словарь / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : Азбуковник, 2017. — 1063 с.
6. ЛСГРГ — *Лексико-семантические группы русских глаголов* : учебный словарь-справочник. — Свердловск : Издательство Уральского университета, 1988. — 151 с.

7. РГПЭСС — *Русские* глагольные предложения : экспериментальный синтаксический словарь / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : Словари.Ру, 2016. — 510 с.
8. СТСРР — *Словарь-тезаурус* синонимов русской речи / под редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2007. — 632 с.
9. СТСРЯ — *Словарь-тезаурус* синонимов русского языка / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : Словари XXI в., 2017. — 447 с.
10. ТСРГ — Толковый словарь русских глаголов : идеографическое описание, английские эквиваленты, синонимы, антонимы / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс, 1999. — 694 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке / П. Адамец. — Praha : Univ. Karlova, 1978. — 160 с.
2. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ значения в структуре семантического поля / Ю. Д. Апресян // Лексикологический сборник. — Москва, 1962. — Выпуск 5. — С. 27—39.
3. Апресян Ю. Д. Методы изучения значений и проблемы структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. — Москва : Издательство АН СССР, 1963. — С. 102—149.
4. Апресян Ю. Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола / Ю. Д. Апресян // Словарь. Грамматика. Текст. — Москва : ИРЯ РАН, 1996. — 477 с.
5. Арват Н. Н. О семантике предложения / Н. Н. Арват // Филологические науки. — 1979. — № 5. — С. 56—61.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1976. — 383 с.
7. Арутюнова Н. Д. Русское предложение : бытийный тип / Н. Д. Арутюнова, Е. М. Ширяев. — Москва : Русский язык, 1983. — 198 с.
8. Бабенко Л. Г. Антонимия в контексте синонимии : принципы лексикографического описания в идеографическом словаре / Л. Г. Бабенко // Филологический класс. — 2020. — № 1. — С. 8—16. — DOI: 10.26170/FK20-01-01.
9. Бабенко Л. Г. Глаголы комплексной полипропозитивной семантики / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1997. — С. 30—45.
10. Бабенко Л. Г. Моделирование семантики русских синонимов в идеографическом словаре (на материале словарных статей синонимов с эмотивной семантикой) / Л. Г. Бабенко // Вопросы лексикографии. — 2018. — № 13. — С. 81—99. — DOI: 10.17223/22274200/13/5.
11. Бабенко Л. Г. Проект словаря синонимико-антонимических комплексов: проблемы лексикографической интерпретации типовой семантики и пути их решения / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 42—60. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-42-60.
12. Бабенко Л. Г. Роль человеческого фактора в лексикографической интерпретации семантического поля (на материале идеографических словарей) / Л. Г. Бабенко // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения : II Новиковские чтения : материалы конференции / под редакцией В. Н. Денисенко. — Москва : РУДН, 2009. — С. 44—47.

13. *Бабенко Л. Г.* Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) / Л. Г. Бабенко // Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. — С. 22—42.
14. *Богданов В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1977. — 204 с.
15. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний: когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : ЯСК, 2018. — 480 с.
16. *Васильев Л. М.* Семантика русского глагола : глаголы речи, звучания и поведения / Л. М. Васильев. — Уфа : БГУ, 1981. — 71 с.
17. *Васильев Л. М.* Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. — 1971. — № 5. — С. 105—113.
18. *Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1981. — 195 с.
19. *Гак В. Г.* К проблеме синтаксической семантики : семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические отношения и структура предложения. — Москва : Наука, 1969. — С. 77—85.
20. *Данеш Ф.* К семантике основных синтаксических формаций / Ф. Данеш, К. Гаузенблас // Грамматическое описание славянских языков. — Москва: Наука, 1974. — С. 92—99.
21. *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1982. — 368 с.
22. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1981. — 367 с.
23. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1976. — 354 с.
24. *Караулов Ю. Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1980. — 207 с.
25. *Кубик М.* Модели двусоставных глагольных предложений в русском языке в сопоставлении с чешским / М. Кубик. — Praha : Univerzita Karlova, 1977. — 204 s.
26. *Кузнецова Э. В.* Лексико-семантические группы русских глаголов как объект системно-семасиологических исследований / Э. В. Кузнецова // Русское языкознание. — Киев : Вища школа, 1987. — Выпуск 15. — С. 102—109.
27. *Кузнецова Э. В.* Семантическая модель предложения с предикатами типа «считать» и способы ее реализации / Э. В. Кузнецова // Дери́вация и история языка : тезисы докладов межвузовской научной конференции. — Пермь : Пермский госуниверситет, 1985. — С. 24—26.
28. *Кузнецова Э. В.* Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов / Э. В. Кузнецова // Вопросы металингвистики. — Ленинград : ЛГУ, 1973. — С. 84—94.
29. *Лабов У.* Структура денотатных значений / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1983. — С. 133—176.
30. *Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь* / под редакцией В. В. Морковкина. — Москва : Русский язык, 1984. — 1167 с.

31. *Ломтев Т. П.* Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев; под ред. Н. Д. Арутюновой. — Москва : Издательство Московского университета, 1970. — 71 с.; 1979. — 198 с.
32. *Морковкин В. В.* Идеографические словари / В. В. Морковкин. — Москва : Издательство Московского университета, 1970. — 71 с.
33. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / авторы словарных статей В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская и др. — Москва : Языки славянской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2004. — 1488 с.
34. *Норман Б. Ю.* Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков / Б. Ю. Норман. — Минск : Университетское, 1988. — 28 с.
35. *Покровский М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский. — Москва : Университетская типография, 1895. — 123 с.
36. *Попова З. Д.* Структурная схема предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа / З. Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст. — Москва : Наука, 1996. — С. 255—276.
37. *Русская глагольная лексика: денотативное пространство* : коллективная монография / под редакцией Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. — 300 с.
38. *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: памяти Эры Васильевны Кузнецовой* : коллективная монография / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1997. — 518 с.
39. *Русский идеографический словарь: мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека)* / редактор Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1032 с.
40. *Русский семантический словарь* / под редакцией Ю. Н. Караулова. — Москва : Наука, 1984. — 566 с.
41. *Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений* / под общей редакцией Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1998. — Том 1—3.
42. *Семантические типы предикатов* / Т. В. Булыгина, О. Н. Селиверстова и др.; редактор О. Н. Селиверстова. — Москва : Наука, 1982. — 364 с.
43. *Сильницкий Г. Г.* Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики. — Москва : Издательство АН СССР, 1973. — 599 с.
44. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов. — Москва : Наука, 1981. — 361 с.
45. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 824 с.
46. *Уфимцева А. А.* Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. — Москва : Издательство АН СССР, 1961. — С. 30—36.
47. *Шайкевич А. Я.* Распределение слова в тексте и выделение семантических полей / А. Я. Шайкевич // Иностранные языки в высшей школе. — Москва : Росвузиздат, 1963. — Выпуск 2. — С. 14—26.

48. Шведова Н. Ю. Лексическая классификация русского языка / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание: IX международный съезд славистов. — Москва : Наука, 1983. — С. 306—321.
49. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. — Москва : ЛКИ, 1973. — 280 с.
50. Шмелева Т. В. Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева / Т. В. Шмелева // Филологические науки. — 1983. — Выпуск 3 (135). — С. 42—48.
51. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 605 семантических групп, более 16500 слов и устойчивых выражений / А. А. Шушков. — Москва : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2003. — 767 с.
52. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. — Москва : URSS, 2007. — 253 с.

TYPES OF LEXICAL SETS IN STRUCTURAL-SEMANTIC, COGNITIVE-DISCURSIVE AND LEXICOGRAPHIC COVERAGE: DYNAMICS OF INTERPRETATIONS¹

© **Liudmila G. Babenko (2020)**, Doctor of Philology, Head of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), Igbabenko@yandex.ru.

The dynamics of understanding lexical sets in theoretical and practical aspects over the past 50 years is provided, highlighting the main stages of their identification, study and interpretation features in the light of various scientific approaches: structural-semantic, functional-linguistic, cognitive-discourse, lexicographic, determining the system of principles of their identification, formation of the composition and description of the structural organization. The results of a multidimensional study of lexical sets of different types as an integral dynamic system, that have received multiple interpretations both in theoretical research and in ideographic dictionaries, are presented. The following types of sets are considered: lexical-semantic, functional-lexical, denotative-ideographic, semantic-syntactic, complex lexical-phraseological, synonymous-antonymic, conceptual-discursive. The research is carried out on the material of ideographic dictionaries created by lexicographers of the Ural Semantic School. Examples of descriptions of linguistic and speech sets with emotive semantics presented in a series of these dictionaries are used as illustrative material. The study showed that over half a century, lexical set theory has advanced significantly due to the situation of polyparadigmality in linguistics. It is noted that in such circumstances, different approaches to the study of sets of language and speech units were formed, the identification of fundamentally new semantic associations was substantiated, their typology was developed, the sources, factors and principles of their formation were characterized.

Key words: Russian; theoretical semantics; lexical sets; ideographic lexicography; emotive vocabulary and phraseology.

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 19-112-50052, as well as the Program for increasing the competitiveness of the Ural Federal University for 2013-2020. (agreement number 02.A03.21.0006).

MATERIAL RESOURCES

- BTISSAK — Babenko, L. G. (ed.). (2019). *Bolshoy tolkovyy ideograficheskiy slovar' sinonimiko-antonimicheskikh kompleksov: prospect* [Comprehensive explanatory ideographic dictionary of synonymous-antonymic complexes: prospect]. Moskva; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. (In press.). (In Russ.).
- BTSRG — Babenko, L. G. (ed.). (2007). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoye opisaniye, sinonimy, antonimy, angliyskiye ekvivalenty* [Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description, Synonyms, Antonyms, English Equivalents]. Moskva: AST-Press Kniga. 576 p. (In Russ.).
- BTSRS — Babenko, L. G. (ed.). (2005). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitelnykh: ideograficheskoye opisaniye, sinonimy, antonimy* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description, Synonyms, Antonyms]. Moskva: AST-Press Kniga. 864 p. (In Russ.).
- BTSSRR — Babenko, L. G. (ed.). (2008). *Bolshoy tolkovyy slovar' sinonimov russkoy rechi: ideograficheskoye opisaniye, antonimy, frazeologizmy* [Comprehensive explanatory dictionary of synonyms of Russian speech: ideographic description, antonyms, phraseological units]. Moskva: AST-Press Kniga. 784 p. (In Russ.).
- KRYaKK — Babenko, L. G. (ed.). (2017). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevyye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): slovar'* [The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations in language and speech (based on vocabulary, phraseology and paremiology): dictionary]. Moskva: Azbukovnik. 1063 p. (In Russ.).
- LSGRG — *Leksiko-semanticheskiye gruppy russkikh glagolov: uchebnyy slovar'-spravochnik* [Lexico-semantic groups of Russian verbs: educational dictionary-reference book]. (1988). Sverdlovsk: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 151 p. (In Russ.).
- RGPES — Babenko, L. G. (ed.). (2016). *Russkiye glagolnyye predlozheniya: eksperimentalnyy sintaksicheskyy slovar'* [Russian verb sentences: an experimental syntactic dictionary]. Moskva: Slovari.Ru. 510 p. (In Russ.).
- STSRR — Babenko, L. G. (ed.). (2007). *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoy rechi* [Dictionary-thesaurus of synonyms for Russian speech]. Moskva: AST-Press Kniga. 632 p. (In Russ.).
- STSRYa — Babenko, L. G. (ed.). (2017). *Slovar'-tezaurus sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary-thesaurus of Russian synonyms]. Moskva: Slovari XX v. 447 p. (In Russ.).
- TSRG — Babenko, L. G. (ed.). (1999). *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoye opisaniye, angliyskiye ekvivalenty, sinonimy, antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: ideographic description, English equivalents, synonyms, antonyms]. Moskva: AST-Press. 694 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Adamets, P. (1978). *Obrazovaniye predlozheniy iz propozitsiy v sovremennom russkom yazyke* [Formation of sentences from propositions in modern Russian]. Praha: Univ. Karlova. 160 p. (In Russ.).
- Apresyan, V. Yu., Babaeva, E. E., Boguslavskaya, O. Yu. et al. (2004.). *Novyy ob'yasnitelnyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms

- of the Russian language]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury; Vena: Venskiy slavisticheskiy almanakh. 1488 p. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1962). Distributivnyy analiz znacheniya v strukture semanticheskogo polya [Distributive analysis of meaning in the structure of the semantic field]. In: *Leksikologicheskii sbornik* [Lexicological collection], 5. Moskva. 27—39. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1963). Metody izucheniya znacheniy i problemy strukturnoy lingvistiki [Methods for the Study of Meanings and Problems in Structural Linguistics]. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Structural linguistics problems]. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 102—149. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1996). O tolkovom slovare upravleniya i sochetaemosti russkogo glagola [On the explanatory dictionary of control and collocation of the Russian verb]. In: *Slovar'. Grammatika. Tekst* [Vocabulary. Grammar. Text]. Moskva: IRYa RAN. 477 p.
- Arutyunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskiye problem* [Sentence and its meaning: logical-semantic problems]. Moskva: Nauka. 383 p. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D., Shiryaev, E. M. (1983). *Russkoye predlozheniye: bytiynyy tip* [Russian sentence: existential type]. Moskva: Russkiy yazyk. 198 p. (In Russ.).
- Arvat, N. N. (1979). O semantike predlozheniya [About Sentence Semantics]. *Filologicheskkiye nauki* [Philological sciences], 5: 56—61. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (1997). Glagoly kompleksnoy polipropozitivnoy semantiki [Verbs of complex polypropositive semantics]. In: *Russkaya glagolnaya leksika: pereseakaemost' paradigm* [Russian verb lexicon: paradigm intersection]. Ykaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 30—45. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2009). Rol' chelovecheskogo faktora v leksikograficheskoy interpretatsii semanticheskogo polya (na materiale ideograficheskikh slovarey) [The role of the human factor in the lexicographic interpretation of the semantic field (based on ideographic dictionaries)]. In: *Funktsionalnaya semantika, semiotika znakovykh sistem i metody ikh izucheniya: II Novikovskiy chteniya: materialy konferentsii* [Functional semantics, semiotics of sign systems and methods of their study: II Novikov readings: conference proceedings]. Moskva: RUDN. 44—47. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2015). Sinopsis (svod) ideograficheskoy klassifikatsii russkoy leksiki (obshchaya globalnaya struktura slovary) [Synopsis (collection) of the ideographic classification of Russian vocabulary (general global structure of the dictionary)]. In: *Universalnyy ideograficheskii slovar' russkogo yazyka: prospekt* [Universal ideographic dictionary of the Russian language: prospectus]. Moskva; Ykaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. 22—42. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2018). Modelirovaniye semantiki russkikh sinonimov v ideograficheskom slovare (na materiale slovarnykh statey sinonimov s emotivnoy semantikoy) [Modeling the semantics of Russian synonyms in the ideographic dictionary (based on dictionary entries of synonyms with emotive semantics)]. *Voprosy leksikografii* [Lexicography issues], 13: 81—99. DOI: 10.17223/22274200/13/5. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2019). Proekt slovary sinonimiko-antonimicheskikh kompleksov: problemy leksikograficheskoy interpretatsii tipovoy semantiki i puti ikh resheniya [Draft

- Dictionary of Synonymic-Antonymic Complexes: Problems of Lexicographic Interpretation of Typical Semantics and Ways to Solve Them]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 10: 42—60. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-42-60. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2020). Antonimiya v kontekste sinonimii: printsipy leksikograficheskogo opisaniya v ideograficheskom slovare [Antonymy in the context of synonymy: the principles of lexicographic description in an ideographic dictionary]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 1: 8—16. DOI: 10.26170/FK20-01-01. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (ed.). (1997). *Russkaya glagolnaya leksika: peresekaemost' paradigm: pamyati Ery Vasil'evny Kuznetsovoy: kollektivnaya monografiya* [Russian verb lexicon: intersection of paradigms: in memory of Era Vasilievna Kuznetsova: a collective monograph]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 518 p. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (ed.). (1999). *Russkaya glagolnaya leksika: denotativnoye prostranstvo: kollektivnaya monografiya* [Russian verb lexicon: denotative space: collective monograph]. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 300 p. (In Russ.).
- Bogdanov, V. V. (1977.). *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Semantic-syntactic organization of a sentence]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. 204 p. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2018). *Yazyk i sistema znaniy: kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system: cognitive theory of language]. Moskva: YaSK. 480 p. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Seliverstova, O. N. et al. (1982). *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic predicate types]. Moskva: Nauka. 364 p. (In Russ.).
- Danesh, F., Gauzenblas, K. (1974). K semantike osnovnykh sintaksicheskikh formatsiy [On the semantics of the main syntactic formations]. In: *Grammaticheskoye opisaniye slavyanskikh yazykov* [Grammar description of Slavic languages]. Moskva: Nauka. 92—99. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1969). K probleme sintaksicheskoy semantiki: semanticheskaya interpretatsiya «glubinnykh» i «poverkhnostnykh» struktur [On the problem of syntactic semantics: semantic interpretation of «deep» and «surface» structures]. In: *Invariantnyye sintaksicheskkiye otnosheniya i struktura predlozheniya* [Invariant syntactic relations and sentence structure]. Moskva: Nauka. 77—85. (In Russ.).
- Gaysina, R. M. (1981). *Leksiko-semanticheskoye pole glagolov otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [The lexico-semantic field of the verbs of relations in modern Russian]. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta. 195 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1976). *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moskva: Nauka. 354 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1980). *Chastotnyy slovar' semanticheskikh mnozhitel' russkogo yazyka* [Frequency dictionary of semantic factors of the Russian language]. Moskva: Nauka. 207 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (1981). *Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Construction and the Thesaurus of the Literary Language]. Moskva: Nauka. 367 p. (In Russ.).
- Karaulova, Yu. N. (ed.). (1984). *Russkiy semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Moskva: Nauka. 566 p. (In Russ.).

- Kubik, M. (1977). *Modeli dvusostavnykh glagolnykh predlozheniy v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim* [Models of two-part verb sentences in Russian versus Czech]. Praha: Univerzita Karlova. 204 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (1973). Stupenchataya identifikatsiya kak sredstvo opisaniya semanticheskikh svyazey slov [Stepwise identification as a means of describing the semantic relationships of words]. *Voprosy metalingvistiki* [Metalinguistic issues]. Leningrad: LGU. 84—94. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (1985). Semanticheskaya model' predlozheniya s predikatami tipa «schitat'» i sposoby ee realizatsii [Semantic model of a sentence with predicates of the «count» type and ways of its implementation]. In: *Derivatsiya i istoriya yazyka: tezisy dokladov mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii* [Derivation and history of language: abstracts of the interuniversity scientific conference]. Perm': Permskiy gosuniversitet. 24—26. (In Russ.).
- Kuznetsova, E. V. (1987). Leksiko-semanticheskiye gruppy russkikh glagolov kak obyekty sistemno-semasiologicheskikh issledovaniy [Lexical-semantic groups of Russian verbs as an object of system-semasiological research]. In: *Russkoye yazykoznanie* [Russian linguistics], 15. Kiev: Vishcha shkola. 102—109. (In Russ.).
- Labov, U. (1983). Struktura denotatnykh znacheniy [Structure of denotational meanings]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moskva: Progress. 133—176. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1970). *Struktura predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Sentence structure in modern Russian]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 71 p. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V. (1970). *Ideograficheskiye slovari* [Ideographic dictionaries]. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 71 p. (In Russ.).
- Morkovkina, V. V. (ed.). (1984). *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: kompleksnyy uchebnyy slovar'* [Lexical basis of the Russian language: a comprehensive educational dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk. 1167 p. (In Russ.).
- Norman, B. Yu. (1988). *Universalnoye i spetsificheskoye v sintaksicheskikh modelyakh slavyanskikh yazykov* [Universal and specific in the syntactic models of Slavic languages]. Minsk: Universitetskoye. 28 p. (In Russ.).
- Pokrovskiy, M. M. (1895). *Semasiologicheskiye issledovaniya v oblasti drevnykh yazykov* [Semasiological research in the field of ancient languages]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. 123 p. (In Russ.).
- Popova, Z. D. (1996). Strukturnaya skhema predlozheniya i pozitsionnaya skhema vyskazyvaniya kak raznye urovni sintaksicheskogo analiza [Structural scheme of a sentence and positional scheme of a statement as different levels of parsing]. In: *Slovar'. Grammatika. Tekst* [Vocabulary. Grammar. Text]. Moskva: Nauka. 255—276. (In Russ.).
- Shaykevich, A. Ya. (1963). Raspredeleniye slova v tekste i vydeleniye semanticheskikh poley [Distribution of words in the text and highlighting of semantic fields]. In: *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher education], 2. Moskva: Rosvuzizdat. 14—26. (In Russ.).
- Shchur, G. S. (2007). *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moskva: URSS. 253 p. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. (1973). *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic vocabulary analysis]. Moskva: LKI. 280 p. (In Russ.).

- Shmeleva, T. V. (1983). Predlozheniye i situatsiya v sintaksicheskoy kontseptsii T. P. Lomteva [The proposal and the situation in the syntactic concept of T. P. Lomtev]. *Filologicheskiye nauki* [Philological sciences], 3 (135): 42—48. (In Russ.).
- Shushkov, A. A. (2003). *Tolkovo-ponyatiynyy slovar' russkogo yazyka: 605 semanticheskikh grupp, bolee 16500 slov i ustoychivyykh vyrazheniy* [Explanatory and conceptual dictionary of the Russian language: 605 semantic groups, more than 16500 words and set expressions]. Moskva: Astrel': AST: Tranzitkniga. 767 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (1983). Leksicheskaya klassifikatsiya russkogo yazyka [Lexical classification of the Russian language]. In: *Slavyanskoye yazykoznanie: IX mezhdunarodnyy s'ezd slavistov* [Slavic Linguistics: IX International Congress of Slavists]. Moskva: Nauka. 306—321. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.). (1998.). *Russkiy semanticheskiy slovar': tokovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, classified by classes of words and meanings]. Moskva: Azbukovnik. 1—3. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.). (2011). *Russkiy ideograficheskii slovar': mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem ego mire (80 kontseptov, otnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy i materialnoy sferam zhizni cheloveka)* [Russian ideographic dictionary: the world of man and man in the world around him (80 concepts related to the spiritual, mental and material spheres of human life)]. Moskva: Azbukovnik. 1032 p. (In Russ.).
- Sil'nitskiy, G. G. (1973). Semanticheskiye tipy situatsiy i semanticheskiye klassy glagolov [Semantic Situation Types and Semantic Verb Classes]. In: *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Structural linguistics problems]. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 599 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1981). *Imena, predikaty predlozheniya (semiologicheskaya grammatika)* [Names, sentence predicates (semiological grammar)]. Moskva: Nauka. 361 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kultury: opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 824 p. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (1961). Teorii semanticheskogo polya i vozmozhnosti ikh primeneniya pri izuchenii slovarnogo sostava yazyka [Theories of the semantic field and the possibilities of their application in the study of the vocabulary of the language]. In: *Voprosy teorii yazyka v sovremennoy zarubezhnoy lingvistike* [Questions of the theory of language in modern foreign linguistics]. Moskva: Izdatelstvo AN SSSR. 30—36. (In Russ.).
- Vasil'ev, L. M. (1971). Teoriya semanticheskikh poley [Semantic field theory]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic issues], 5: 105—113. (In Russ.).
- Vasil'ev, L. M. (1981). *Semantika russkogo glagola: glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya* [Semantics of the Russian verb: verbs of speech, sound and behavior]. Ufa: BGU. 71 p. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. (1982). *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moskva: Nauka. 368 p. (In Russ.).